

УДК 141.39(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-550-560

РИМСКИЕ СТОИКИ И ЯПОНСКИЕ САМУРАИ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Биричева Екатерина Вячеславовна

Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург)

Статья посвящена компаративному исследованию позиций античных стоиков и средневековых самураев по вопросу «как быть?», которым человек действительно задается в условиях размытости ориентиров. Такие условия могут возникать в различном социокультурном контексте и во многом характерны для глобализующейся современности. Опыт осмысления вопроса о самоосуществлении человека в «поворотные времена», безусловно, имел место не только в западноевропейской традиции I–II вв., но и в восточноазиатской XVI–XVII столетий. Тем не менее сегодня вновь актуальны найденные в этих, казалось бы, несопоставимых культурно-исторических локальностях единые основания человеческого бытия. *Цель* статьи — анализ условий концептуализации данных идей римскими стоиками и японскими самураями, сходств и различий в их трактовке судьбы, свободы, смерти, борьбы, реальности и времени. *Методологически* исследование построено на материале историко-философского и экзистенциально-герменевтического анализа трактатов Луция Аннея Сенеки, Марка Аврелия Антонина, Юдзана Дайдодзи, Ямамото Цунэтомо и Миямото Мусаси. Основным концептуальным *результатом* является положение о том, что в условиях плюрализма и потери оснований дезориентированный человек ищет опору в себе и реализует «мужество быть» путем предельной решимости принятия реальности во всей ее полноте и парадоксальности, включающей смерть, непредсказуемость судьбы, неясность вектора развития. Практика «борьбы с собой» и не-выбора из противоположных позиций и ценностей обеспечивает выход к золотой середине «своего-собственного», что позволяет максимально исполниться, обретая надежное основание в своем способе бытия для подлинного участия свободным поступком в «текущей» реальности. *Научная новизна* работы заключается не только в выявленном впервые сходстве экзистенциальных оснований стоицизма и бусидо, но и в обращении внимания на постановку аналогичных смысложизненных вопросов, ответы на которые актуализируются для современного человека, обнаруживающего себя в подобной ситуации безосновности, плюрализма и неясности происходящих вокруг трансформаций.

Ключевые слова: стоицизм, Сенека, Марк Аврелий, самурай, бусидо, борьба, смерть, судьба, реальность, кризис оснований, способ бытия.

ROMAN STOICS AND JAPANESE SAMURAI ON THE EXISTENTIALS OF HUMAN BEING

Ekaterina V. Biricheva

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

The article represents a comparative study of the positions of the ancient Stoics and medieval samurai on the question «how to be?» in the conditions of blurred landmarks. Such conditions may arise within diverse socio-cultural contexts and seem to be the features of the contemporary globalization. The experience of comprehending the issue of human self-realization at the turning points of history undoubtedly took place not only in the Western European tradition of the 1st-2nd centuries and in the East Asian tradition of the 16th-17th centuries. Nevertheless, the unite grounds of human being found in these seemingly disparate cultural and historical localities are again relevant today. The purpose of the article is to analyze

the conditions of the conceptualization of these ideas by the Roman Stoics and Japanese samurai, and to demonstrate the similarities and differences in their interpretation of fate, freedom, death, struggle, reality, and time. Methodologically, the research is based on the material of the historical-philosophical and existential-hermeneutic analysis of the treatises of Lucius Annei Seneca, Marcus Aurelius Antonin, Yuzan Daidodzi, Yamamoto Tsunetomo, and Miyamoto Musashi. The main conceptual result may be given in the following idea. Under the conditions of pluralism and groundlessness, a disoriented person seeks for support in him-/herself and realizes the «courage to be» through the ultimate determination to accept reality in its entirety and paradoxicality, including death, unpredictability of fate, and uncertainty of the further development path. The practice of «inner struggle» and non-choice between opposite positions and values appears to provide an escape to the golden mean of «the own», which allows self-realization to the maximum extent possible and gaining of a reliable ground in one's own way of being for genuine participation in the «fluid» reality by a free act. The study is novel not only in that it is the first to reveal similarity of the existential grounds of stoicism and bushido, but also in that it pays attention to the turning periods in history during which, regardless of cultural affiliation, similar life-meaning questions arise. The answers found appear to be essential for a contemporary person, who finds themselves in the same situation of groundlessness, pluralism, and ambiguity of the transformations taking place around.

Keywords: stoicism, Seneca, Marcus Aurelius, samurai, bushido, struggle, death, fate, reality, crisis of grounds, way of being.

Введение

На первый взгляд сложно найти более непохожие друг на друга культурно-исторические локальности, чем Древний Рим в период ранней империи и Япония в период Эдо. География завоеваний римских легионов контрастирует с закрытостью политики самоизоляции сёгуната Токугава, как дух гражданского права — с предпочтением решать личные споры вне официального суда. Однако при более детальном сопоставлении выявляется множество сходств, позволяющих рассматривать историческую «симметричность» условий, в которых независимо друг от друга римские стоики и японские самураи концептуализировали синонимичные экзистенциалы человеческого бытия. Безусловно, в научной литературе не раз проводились параллели между юго-восточноазиатской и западноевропейской культурами в целом и между взглядами их воинских элит в частности (см., напр.: [Давыдов А.И., 2014; Николаева И.Ю., Серкова О.А., 2012; Леонтьева Н.С., 2012]). Новизна же данного компаративного исследования заключается не только в сравнении базовых идей стоицизма и бусидо, но и в попытке проследить, каким образом самоощущение человека в динамично трансформирующейся реальности влияет на поиск и формулирование онтологических оснований его места и роли в мире, на понимание специфики собственного бытия и ценностно-этических ориентиров. Следовательно, актуальность работы заключается в том, что

данный круг вопросов оказывается экзистенциально значимым для современного человека, а ответы — востребованными в глобализующемся мире представителями различных культур.

С методологической точки зрения интересно рассмотреть культурно-исторические параллели обозначенных философских учений с позиции экзистенциальных оснований, поиск которых для новых условий происходит в личностно переживаемых конкретными людьми (авторами трактатов) актах. Для достижения данной цели наиболее продуктивным представляется экзистенциально-герменевтический подход, применяемый к историческому анализу «онтологии» культуры такими зарубежными мыслителями, как, например, Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет Х., 1991] и П. Тиллих [Тиллих П., 2011], и такими отечественными философами, как, например, В.С. Библер [Библер В.С., 1991] и А.В. Ахутин [Ахутин А.В., 2005]. Методология, практикуемая этими авторами, предполагает разбор фундаментальных мировоззренческих оснований эпохи в контексте ее социально-исторических и культурно-идеологических условий, а также обращение к этимологии и герменевтический анализ базовых философских категорий, используемых мыслителями в своих текстах [Гадамер Г.-Г., 1991]. Очевидно, что для различных культур характерно различное содержательное наполнение данных оснований, которые также исторически трансформируются, когда «старое» мировоззрение обесмысливается для массово-

го сознания в изменившихся условиях. Представляется, что в случаях становления ранней Римской империи и начала правления клана Токугавы в Японии в период Эдо мы как раз имеем дело с «переходными» этапами. В их рамках на фоне укрепления новых социально-политических режимов происходит поиск ответов на экзистенциально значимые в нестабильных условиях вопросы смысла человеческого бытия, в культурно-исторический контекст осмысления которых необходимо прежде всего погрузиться.

1. Поворотные времена

В первые века н.э. в Римской империи складывается особая форма государственного устройства, принципат, сочетающий республиканские и монархические черты, но по сути тяготеющий к военной монархии. Борьба династий за власть сопровождается социальной нестабильностью и гражданскими войнами; активно формируется система римского, в частности публичного, права; под началом римской государственности объединяются все новые и новые земли. В условиях бурных социально-политических перемен и начинающегося кризиса античного мировоззрения распространяется христианство, исповедание которого преследуется официальной властью. Япония раннего Нового времени переживает подобные социально-политические трансформации: к концу XVI в. после междоусобиц и гражданских войн страна окончательно объединяется, устраняя независимые родовые государства провинциальных властителей. За счет посещения европейцами японская культура обогащается новыми веяниями в искусстве и образе жизни, знакомится с христианством. Наблюдается централизация власти, которая реально сосредотачивается в руках сёгуна, военного главнокомандующего, формально назначаемого императором (фактически же титул был наследственно-родовым). Сёгунат клана Токугава с начала XVII в. устанавливает новую систему управления страной, должностную бюрократическую иерархию и социальную структуру сословного типа, закрываясь в итоге от иностранцев (в том числе — вследствие христианских восстаний, которые удалось подавить).

Таким образом, среди основных сходств ранней Римской империи и периода Эдо в Японии

можно отметить: формирование замысла новой эпохи, новой формы правления и организации общества; формулирование новых законов и формирование разветвленного бюрократического аппарата; централизация и военный характер власти, в связи с чем социальной элитой становятся воины, образ жизни и задачи которых должны были обрести концептуализацию в особых ценностно-этических учениях; развитие наук и искусств, школ и престижного образования для высших слоев общества; борьба с неугодными религиозными общинами, в обоих случаях — с христианскими; влияние мощной сторонней культурной традиции (для Римской империи это Греция, для Японии — Китай), заимствования из которой наблюдаются практически во всех сферах деятельности. Такие внешние по отношению к индивиду условия, как вооруженные конфликты, физическое наказание, социально-политическая неопределенность новых становящихся порядков, экономические риски, болезни, стихийные бедствия т.д., обеспечивали первостепенную значимость проблематики судьбы и свободы и способствовали формированию особого отношения к смерти и самоубийству. В окружающей неясности вектора общественного развития и объективных опасностей человек обнаруживает, что в своем понимании действительности, в своих поступках и суждениях опереться вовне не на что. Естественнo тогда искать опору в себе, поэтому настоятельнее всего в поворотные времена человек задается вопросом о смысле своего бытия, о своих месте и роли в мире.

В периоды реорганизации общества в мировоззрении каждого человека — рефлексировано или нет — возникают конфликты «старого» и «нового», которые нередко выливаются в противостояние различных групп. «Старые традиции умирают на глазах» [Цунэтомо Я., 2018, с. 93], перестают «работать» в изменившихся условиях, и нарождаются новые поколения людей, уже не разделяющих «живую веру» в декларируемые ценности и ориентиры [Ортега-и-Гассет Х., 1991, с. 194; Шумской А.В., 2019]. Однако массовые стычки и «внешние» меры по их пресечению мало способны разрешить парадокс, переживаемый каждым индивидом во «внутреннем» измерении [Biricheva E.V., 2019]. Для преодоления такой экзистенциально за-

труднительной ситуации необходимо обрести предельное мужество «подвесить себя над бездной», чтобы поставить под вопрос «старые» и проверить на прочность «новые» основания. В современной ситуации человек также нередко обнаруживает неопределенность вектора окружающих трансформаций, отсутствие веры в навязываемый образ жизни и необеспеченность собственной роли в социальном бытии. XX – начало XXI в. не прекращают будоражить острые многомерные конфликты и экономические кризисы, несмотря на успехи науки, распространяются болезни, возникают подобные античным римским и феодальным японским ситуации столкновения культур (например, проблема мигрантов в Европе), переосмысливаются религиозные системы и будущее человечества.

Однако циничное отношение к этой непонятной реальности обнаруживает свою непродуктивность, поскольку означает добровольное сужение видения и автоматический отказ от попыток осмысления того, что же в действительности происходит (со мной, с обществом, с миром). В таком случае невозможным оказывается и участие от своего имени в этой «текучей» реальности: человеком будут управлять те, кто понимает и всерьез принимает положение дел. Вместе с тем выбор определенного приоритета как единственно правильного — будь то рациональность, практическая полезность или, например, стабильность — ненадежен. Во-первых, в условиях плюрализма истинность решения всегда может быть поставлена под вопрос противоположной позицией, претендующей на равные права. Во-вторых, чисто логически искусственный выбор одного «полюса» уводит от полноты реальности, которая всегда шире, богаче и парадоксальнее любой фиксации, а игнорирование каких-то ее сторон не означает прекращения их влияния [Бакеева Е.В., 2009]. В подобных условиях социальной неопределенности особенно остро чувствуется разрыв между реальностью и тем, что люди о ней себе представляют, — настолько, что все вокруг становится похожим на кукольное представление, иллюзию [Марк Аврелий, 1985, с. 36; Цунэтомо Я., 2018, с. 85, 203] или сон, от которого необходимо проснуться к истинному бытию [Цунэтомо Я., 2018, с. 90, 137, 141].

2. Стратегия принятия и свобода «своего-собственного»

Остается трудная, но, пожалуй, единственно продуктивная «стратегия» не-бегства от того, что действительно есть. А «дано», на первый взгляд, лишь негативное — текучесть, непонятность, необеспеченность. Акт решимости остаться без опоры требует глубокой философской работы прежде всего с фундаментальными категориями бытия и небытия, жизни и смерти, судьбы и свободы. Как замечает Пауль Тиллих, в таких условиях правовой, религиозной, социальной — вплоть до физической (онтической) — необеспеченности своего бытия в основе мироощущения человека господствует страх судьбы и смерти [Тиллих П., 2011, с. 53–58, 72–74]. Иметь с ним дело тяжело, поскольку он предполагает постановку себя под вопрос, предельный экзистенциальный риск, который переживается лично и неотчуждаем в сфере манипулирования «внешними» объектами или не затрагивающими индивида абстракциями. Человек чувствует, что он может быть сколь угодно добродетельным, чтящим сложившиеся в обществе обычаи, образованным, талантливым, выбравшим «правильную» социальную группу/партию и даже статусным (имеющим почетное звание, занимающим почетную должность и т.д.), однако все это едва ли поможет ему перед лицом непредсказуемой случайности [Сенека Л.А., 2001, с. 25, 37; Дайдодзи Ю., 2018, с. 46; Цунэтомо Я., 2018, с. 112, 135]. Истинность составленных представлений о действительности обнаруживает свою шаткость — и безразличная судьба способна в любой момент разразиться бедствиями, свести с опасными или недобросовестными людьми, обмануть социально-политической иллюзией, принести лишения, несправедливые обвинения, болезни, смерть. Собственно, бессмысленным тогда кажется соответствовать универсальным добродетелям, равно как и пытаться заполучить богатства, высокий социальный статус или признание. В условиях экзистенциальной дезориентированности все это само по себе не может обеспечить надежных оснований, оправдывающих жизнь. «Вздор все это, — подытоживает император Марк Аврелий Антонин. — Так что же тогда есть такого, ради чего стоит усердствовать?» [Марк Аврелий, 1985, с. 21]. Что по-настоящему значимо? Как понять

действительность? На что опереться? Как быть перед угрозами судьбы и смерти? Что делать, чтобы продуктивно участвовать в непредсказуемом динамично трансформирующемся бытии?

Безусловно, для пропускающего через себя подобные вопросы речь здесь идет не о жизни самой по себе, не о простом продлении существования или имитации благополучия согласно социальным стереотипам о счастье. Выдающийся политик своей эпохи Луций Анней Сенека сокрушается о том, сколько времени своих жизней его современники тратят впустую, стремясь к насыщению телесному и имущественному, в очередях обивая пороги патронов, споря и суетясь или вовсе не зная, чем себя занять [Сенека Л.А., 2001, с. 41–48, 58, 60], и при этом «так долго бояться того, что происходит так быстро» [Сенека Л.А., 2001, с. 102]. Ему вторит переживший правление шести сёгунов рёнин Юдзан Дайдодзи, изобличая недостойную растрату жизни на излишества, бесполезные разговоры, лень, утехы в вине и женщинах [Дайдодзи Ю., 2018, с. 12–13, 25, 61]. Человека может по-настоящему интересовать только подлинное бытие, достойная жизнь, характеризующаяся полнотой. Однако для многих происходит срыв, поскольку полнота, как она есть, страшна: в природу входит как прекрасное, так и безобразное, в обществе совершается как доброе, так и злое, а естественным законом жизни является смерть. Быть в полноте, видя реальность, как она есть, следовательно, означает включить в свой горизонт и иметь дело даже с самым страшным и нежелательным. Смерть является воплощением этого негативного «полюса», но есть и грозящие небытием «вещи», которые страшнее смерти. Бессмысленность, неподлинность своего существования, необеспеченность, бесполезность, вина и осуждение и т.д. также требуют решимости иметь с ними дело. С такого предельного мужества принятия реальности во всей полноте и парадоксальности берут свое начало стоицизм и бусидо. Общая для этих учений основополагающая метафора «жить так, словно уже умер» [Дайдодзи Ю., 2018, с. 11; Цунэтомо Я., 2018, с. 76, 93; Мусаси М., 2018, с. 251; Сенека Л.А., 2001, с. 53; Марк Аврелий, 1985, с. 9–10, 41–42] имеет огромную освобождающую силу. Хотя, например, Учитель Дзёто полагает, что в действительности ей соответствовать способен

лишь «один из тысячи» [Цунэтомо Я., 2018, с. 78], ведь «каждый норовит избежать работы, которая требует приложения усилий» [Цунэтомо Я., 2018, с. 83]. Поэтому же Сенека уверен, что, ища подлинность жизни, нельзя следовать за «общественным мнением» большинства [Сенека Л.А., 2001, с. 13–14]. Несмотря на труд, усилия применения этой формулы по отношению к себе, она дарует независимость от всего (как внешнего, так и внутреннего): живущий, словно уже умер, человек не нуждается ни в чем, не спешит и не суетится, не зависит от еды и телесного комфорта, не привязывается даже к самым дорогим во всех смыслах вещам, людям, местам, воспоминаниям, планам и т.д. [Сенека Л.А., 2001, с. 66–85; Марк Аврелий, 1985, с. 29; Дайдодзи Ю., 2018, с. 53–54]. Но такая свобода — ни произвол, ни отрешенность от жизни.

Этимологически «свобода» одно со «своим-собственным» — не в более узком смысле «моего», «частной собственности», а в широком: «чья» мы «собственность», чему мы принадлежим [Бибихин В.В., 2012, с. 102]. «Самое самó» [Платон, 1990, с. 256] (в оригинале 129b: *αὐτὸ τὸ αὐτό*) через каждого «течет» уникальным способом — и соответствие своему способу быть для конечного (во времени и пространстве) существа как раз означает максимально возможную полноту, интенсивное исполнение, самореализацию. Сложнейший путь «Узнай себя» (*Γνῶθι σεαυτόν*) приводит к пониманию, что «я» — не мои вещи, тело, переживания или представления, а уникальный способ быть, следовательно, принципиально свободный от всего иного и способный на полноту в «своем месте». Попытки достичь полноту экстенсивно, за счет чужого (завладения, уничтожения или бытия не своим способом) обречены на провал, поскольку уводят от единственно подлинного источника полноты — своего-собственного. Здесь свобода совпадает, с одной стороны, со справедливостью, сократовское определение которой «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие» [Платон, 2007, с. 242] разделяют наши авторы [Марк Аврелий, 1985, с. 5–6, 18, 31; Цунэтомо Я., 2018, с. 205, 231], а с другой — с призванием (Путем). Последнее не означает определенного содержания в смысле профессиональной деятельности. Так, создатели бусидо подчеркивают, что самурай — не профессия, не

занятие, не строго закрепленный титул, но образ всей жизни, способ поступать и относиться к миру. Более того, как советует легендарный стратег Миямото Мусаси, следует «изучать Пути всех профессий» [Мусаси М., 2018, с. 265].

Противоречие своего и другого здесь кажущееся, поскольку «свое» — не содержание, которое всегда ограничено, а способ имения дела с любым содержанием. Тогда можно «слушать проповеди о других Пути, но при этом с каждым днем все больше постигать свой собственный» [Цунэтомо Я., 2018, с. 109]. Даже если человек реализует свои способности в любимом занятии, будь то врачевание, изготовление обуви, живопись и т.д., то в его жизни остается время, когда его отвлекают или нужно переключиться на что-то иное (в т.ч. на отдых). Следовательно, он не будет полностью, все время своей жизни счастлив «своим-собственным», если понимает его содержательно. Напротив, призвание, понятое в смысле *способа бытия*, предполагает реализацию своих *способностей* в любом деле. Так, быть «воином по способу бытия» означает необязательно участвовать в боевых действиях или владеть боевыми искусствами, но, прежде всего, — бороться с собой [Цунэтомо Я., 2018, с. 86, 159; Марк Аврелий, 1985, с. 12, 41]: стоять на страже собственных положительных качеств, не давая выхода негативной энергии в той или иной жизненной ситуации; непрестанно тренировать свою волю; одолевая в себе непродуктивные страхи и желания; мужественно иметь дело с трудностями, проводя работу над собой и не привязываясь к конкретным содержаниям; прояснять для себя окружающую действительность против рассеивающих тенденций сосредоточиваясь на том, что непосредственно здесь и теперь; знать, когда и какое «внутреннее оружие» применить по отношению к себе, чтобы расти над собой, самосовершенствоваться и приносить пользу окружающим, независимо от того, в чем содержательно эта помощь заключается. Понимая в таком же смысле единственную продуктивную «стратегию» самоосуществления человека, «Плотин, поздний, сравнивает положение человека в мире с положением попавшего в середину боя, *уйти* из этой свалки просто уже невозможно, ничего не получится, а остается только выбор, один, сражаться во всю силу или вяло» [Биbihин В.В., 2009, с. 425–

426]. В связи с этим важно постоянно учиться, быть открытым новому, каждый день анализировать свой опыт и стараться становиться лучше [Сенека Л.А., 2001, с. 58, 174; Цунэтомо Я., 2018, с. 86, 91; Мусаси М., 2018, с. 284] — не для кого-то или чего-то, не в качестве соревнования, но ради того, чтобы на любом материале смочь осуществить свой способ быть, взяв свою «максимальную амплитуду» [Делёз Ж., 1997, с. 129–130].

3. Экзистенциалы «воина по способу бытия»

Безусловно поэтому, для свободы как открытости и становления своим способом значимым оказывается Другой, подлинным отношением к которому может быть только *philia* (любовь, дружба, принятие). Во-первых, никто вовне не может по-настоящему быть врагом, ни от чьего мнения принципиально нельзя стать зависимым по доброй воле: Другой никоим образом не может помешать в самоосуществлении тому, кто «знает свое», поскольку он также ограничен своим способом бытия (онтологической невозможностью переживать, видеть за Другого его способом) [Сенека Л.А., 2001, с. 71; Марк Аврелий, 1985, с. 9, 14, 18, 28]. Во-вторых, «тот, кто видит со стороны, смотрит восемью глазами» [Цунэтомо Я., 2018, с. 85], т.е. может открыть новое, полезное, то, что не видится со своей точки зрения. Так, даже если другие неправы, нужно относиться к ним с уважением, пониманием, человеколюбием, прощать их [Марк Аврелий, 1985, с. 9, 14; Цунэтомо Я., 2018, с. 80–81], а если правы — прислушиваться и от каждого брать самое лучшее (создать себе идеал из хороших качеств других и следовать ему) [Марк Аврелий, 1985, с. 5–8, 35; Цунэтомо Я., 2018, с. 94]. Свобода способа бытия, решающаяся на весь размах между поллюсами-противоположностями, требует непрестанной борьбы с собой — как со страхом небытия, так и со своими непродуктивными желаниями, надеждами, иллюзиями, уводящими от полноты. Главные «враги» тогда не вовне, а внутри. Не научившись побеждать такие свои пороки, как вождение (в т.ч. неуправляемый гнев и зависть), жажду наживы и имущества, высокомерие и гордыню, действия из личных интересов и выгод, лень [Сенека Л.А., 2001, с. 20, 103; Марк Аврелий, 1985, с. 10, 12, 15; Дайдодзи Ю., 2018, с. 61; Цунэтомо Я., 2018, с. 77–79, 94, 103–104, 115, 124, 128–129, 138],

вряд ли человек сможет противостоять превратностям судьбы или другим людям [Цунэтомо Я., 2018, с. 216]. Эти негативные черты можно также пересилить упором на противоположное, взращивая в себе, постоянно практикуя добродетели, главные из которых — рассудительность, искренность, мужество, верность, внимательность (ко всему, в т.ч. к деталям, мелочам), сострадание, самообладание, умение терпеть страдания, целеустремленность [Сенека Л.А., 2001, с. 15–16, 34, 64, 74, 140; Марк Аврелий, 1985, с. 5–8, 10, 15, 25; Дайдодзи Ю., 2018, с. 24; Цунэтомо Я., 2018, с. 80, 84, 91–92, 115–116, 119, 125, 139, 155, 203, 233]. Однако полнота предполагает не смесь противоположностей, но удерживающую баланс между ними «золотую середину» [Сенека Л.А., 2001, с. 30, 96; Марк Аврелий, 1985, с. 38–39; Цунэтомо Я., 2018, с. 89–90, 110]. Поэтому важно «не стараться всегда быть праведным» [Цунэтомо Я., 2018, с. 85], но думать только о Пути [Мусаси М., 2018, с. 308], для чего нужно «научиться умело отходить от нормы» [Цунэтомо Я., 2018, с. 102] и, не имея предпочтений к определенным чертам, стилям, характеристикам, поступать сообразно текущему моменту [Марк Аврелий, 1985, с. 41; Цунэтомо Я., 2018, с. 111; Мусаси М., 2018, с. 261, 264].

Полнота бытия означает не только предельный охват возможного, но и — самое главное — присутствие при сути происходящего в действительности. Реальное-подлинное-настоящее может быть достигнуто концентрацией на том, что «здесь и теперь». «Нет ничего за пределами текущего мгновения» [Цунэтомо Я., 2018, с. 92]: прошлого уже нет, можно только извлечь из него опыт, но держаться за него и копаться в нем бессмысленно; будущего еще нет, сколько бы мы ни строили планов и ни предполагали, практически все во власти непредсказуемой судьбы. И поскольку «вся жизнь человека есть последовательность мгновений» [Цунэтомо Я., 2018, с. 127], «каждый жив только в настоящем мгновении» [Марк Аврелий, 1985, с. 15]. Если мы полностью собрали себя в настоящем, нам нечего терять и не о чем беспокоиться, если пребываем в готовности чувствовать, когда и что «пора» [Цунэтомо Я., 2018, с. 131], и поступать сообразно реальности. Проходя тот же Путь преодоления страха небытия, в XX в. не менее великий «воин по спо-

субу бытия» Людвиг Витгенштейн, среди своих мощнейших афоризмов напишет: «Вечно живет тот, кто живет в настоящем» [Витгенштейн Л., 1921, п. 6.4311]. Пребывание «здесь и теперь» единогласно связывается со вниманием (у Марка Аврелия и Ямамото Цунэтомо об этом чуть ли не на каждой странице): в присутствии при сути происходящего человек превращается в чуткое видение того, что есть. Такое видение противоположно ведению как застилающему настоящее рассчитывающему представлению, плану, набрасыванию ярлыков, попытке уместить реальность в схему. Несмотря на то что постоянное обучение и самосовершенствование важны, как воздух, «бывают случаи, когда многие знания оказываются препятствием» [Цунэтомо Я., 2018, с. 140]. Здесь опять же наши авторы не противоречат себе: для всего есть своя пора — для учения, чтобы приобрести знания и натренировать способности, — и для участия в событиях, в рамках которых губительно рассуждать, как быть, когда они уже происходят и требуют единства с собой. Миямото Мусаси поэтому учит не столько конкретным техникам, сколько внимательности к настоящему: отсекая все лишнее рассеивающее, «глубоко входить в каждое действие» [Мусаси М., 2018, с. 265], занимать «положение-без-положения» [Мусаси М., 2018, с. 275], сообразовываться с реальным «без плана, без представления» [Мусаси М., 2018, с. 278].

На фоне решительного принятия временности своего бытия внимательность к настоящему вплоть до мельчайших деталей [Мусаси М., 2018, с. 265] открывает и пронзительную полноту прекрасного, которое можно увидеть во всем. У Марка Аврелия есть потрясающий пассаж [Марк Аврелий, 1985, с. 13]:

Следует примечать, как и в том, что сопутствует происходящему ..., есть некая прелесть и привлекательность. Пекут, скажем, хлеб, и полопались кое-где края — так ведь эти трещины, хоть несколько противоречащие искусству пекаря, тем не менее чем-то хороши и особенно возбуждают к еде. Или вот смоквы лопаются как раз тогда, когда совсем поспели; у спелых маслин самая близость к гниению добавляет плодам какую-то особенную красоту. Так и колосья, гнущиеся к земле, складки на морде у льва, пена из кабаньей пасти и многое другое, что далеко от привлекательности ...

вносит еще более лада и душу увлекает; поэтому кто чувствует и вдумывается поглубже, что происходит в мировом целом, тот вряд ли хоть в чем-нибудь ... не найдет, что оно как-то приятно пристроено. Он и на подлинные звериные пасти станет смотреть с тем же наслаждением, как и на те, что выставляются живописцами и ваятелями как подражание; своими здравомысленными глазами он сумеет увидеть красоту и некий расцвет старухи или старика, и прелесть новорожденного.

Особенно такое отношение характерно для японской культуры, пропитанной эстетикой «ваби саби» (侘寂), печального наслаждения ускользящим мигам прекрасного. Самураи «были готовы умереть и высоко ценили возможность насладиться красотой в жизни, которая могла оборваться в любую минуту» [Кемптон Б., 2019, с. 29], многие писали стихи (в т.ч. предсмертные перед сэппуку), пропитанные эстетическим отношением к природе и временам года. Видение красоты в простоте и принятие естественного течения бытия в обеих традициях определили идеал жизни и поступков согласно с природой, ее законами и ритмами [Сенека Л.А., 2001, с. 15; Марк Аврелий, 1985, с. 41; Муса-си М., 2018, с. 259]. Природа составляет огромную, не нами созданную, не нами управляемую часть реальности, которую необходимо принять и которой нужно соответствовать.

Открывающаяся в настоящем свобода и полнота бытия поэтому становятся главными ценностями, и если обстоятельства складываются так, что человек более не чувствует себя способным на эту полноту (по причине неизлечимой болезни, несвободы или потери чести), он добровольно расстается с такой жизнью, которая для него уже не жизнь. Таково единое ценностное отношение в стоицизме и бусидо к самоубийству: жертва не должна быть напрасной, но смерть — естественный закон, и, если свобода и полнота становятся невозможны, наступает пора воссоединиться с мировым природным целым [Петев Н.И., 2019, с. 120]. К примеру, Сенека в преклонном возрасте в результате политических притеснений окончил жизнь самоубийством. Однако Ямамото Цунэтомо после смерти господина не дали совершить цуйфуку, тогда он постригся в монахи и провел остаток жизни достаточно уединенно,

оставив в записях своего ученика основополагающий трактат бусидо «Сокрытое в листе» (Хагакурэ). Таким образом неопределенности социальных отношений и непредсказуемости «объективных» случайностей стоицизм и бусидо противопоставляют свободу своего собственного — исполнение в любом содержании (занятий), концентрацию «здесь и сейчас», целиком присутствие в том, на чем в данный момент сосредоточен [Цунэтомо Я., 2018, с. 98]. Мы не можем изменить судьбу, но можем изменить отношение к ней [Цунэтомо Я., 2018, с. 102]. На самом деле реальность нейтральна: «знамения имеют место лишь в глазах смотрящего» [Цунэтомо Я., 2018, с. 103]. Даже, казалось бы, «отрицательное» (лишения, трудности) можно увидеть как для чего-то нужное и полезное — как вызов для преодоления или как опыт для дальнейшего самосовершенствования [Сенека Л.А., 2001, с. 88; Марк Аврелий, 1985, с. 24–25; Цунэтомо Я., 2018, с. 90, 104–105]. Наши авторы советуют буквально радоваться трудностям, поскольку без препятствий нет развития: «бедствие — самый удобный случай для проявления доблести» [Сенека Л.А., 2001, с. 95]. Вопреки расхожим представлениям об успехе и удаче «если в молодости судьба не благоволит человеку, в этом нет ничего плохого. Такой человек часто сталкивается с трудностями, и у него складывается сильный характер» [Цунэтомо Я., 2018, с. 124]. Только так в условиях окружающей текучести и безосновности можно самому себе научиться быть надежным основанием [Цунэтомо Я., 2018, с. 97, 205].

Заключение

Таким образом, по сравнению с эпохами устоявшихся оснований, в «переходные» периоды истории для индивида экзистенциально значимыми становятся вопросы поиска опоры для своих поступков, отношения к окружающей действительности и самореализации. С одной стороны, ощущаемая безосновность, изменчивость социального бытия опасна острыми конфликтами, страхом необеспеченности, риском неопределенности. С другой стороны, такие условия открывают предельную свободу — не как произвол или нигилизм, но, напротив, как возможность творческого участия в рождении нового. Это участие требует мужества и ответ-

ственности, захваченности делом, готовности отдавать всего себя, поэтому идеал свободы предполагает прежде всего борьбу со своими страхами, ограничивающими иллюзиями, надеждами, удобными привычками, стереотипами, ложными мнениями. В условиях плюрализма оснований такая борьба становится буквально единственным продуктивным способом бытия, благодаря которому открывается настоящее во всех смыслах — как «вневременное основание бытия» [Комаров С.В., 2015], как полнота пребывания «здесь и сейчас», подлинность собственной жизни и реальность окружающей действительности [Бакеева Е.В., 2020]. Быть свободным означает ничего не бояться — ни обид (их нельзя причинить свободному — знающему «свое»), ни поражений (это опыт, после которого надо встать и продолжать борьбу), ни перипетий или лишений судьбы (стойких ее превратности лишь закаляют), ни смерти (это естественный, природный закон, который ради полноты мужественно решается принять душа, освободившаяся от телесных желаний и удовольствий).

Хотя подобные идеи каждый раз актуализируются в «поворотные времена» в различных культурно-исторических локальностях, наиболее последовательные учения были сформулированы в философских программах римского стоицизма и японского бусидо. Единственным серьезным различием между ними является понимание ведущего начала человеческой души: в западной традиции с отсылкой к Платону акцент делается на разум [Платон, 2007, с. 256–257, 425; Сенека Л.А., 2001, с. 17; Марк Аврелий, 1985, с. 5] в противоположность первенству воли и интуиции в трудах восточных мыслителей [Цунэтомо Я., 2018, с. 104, 200, 217; Мусаси М., 2018, с. 265]. Однако в обеих культурах как рассудительность, так и сила духа считаются важнейшими добродетелями, и в действительности разум без воли остался бы пустым инструментом, а воля, не направляемая разумом, расплывалась бы в отсутствие «вектора». В целом же, синонимичные экзистенциалы «мужества быть» в условиях непредсказуемости и нестабильности, сформулированные римскими стоиками и японскими самураями, не теряют своей актуальности в современной ситуации и могут дать надежную опору каждому человеку, решающемуся на полноту жизни.

Список литературы

- Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. 743 с.
- Бакеева Е.В. Принять парадокс, или Усилие смирения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 84 с.
- Бакеева Е.В. Проблема настоящего в контексте «постметафизики» // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 5(439). С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10501>
- Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.
- Бибихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 536 с.
- Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
- Биричева Е.В. Природа конфликта: онтологический парадокс и экзистенциальное усилие принятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, № 4. С. 607–625. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.407>
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат (1921). URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000272/st002.shtml> (дата обращения: 08.04.2021).
- Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 26–43.
- Давыдов А.И. Дренгрскарп и бусидо: «Путь воина» на Западе и Востоке // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2014. Вып. 31. С. 11–14.
- Дайдодзи Юдзан. Будосёсинсю // Бусидо. Военный канон самурая с комментариями / пер. с япон. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. М.: АСТ, 2018. С. 5–68.
- Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. 264 с.
- Кемптон Б. Wabi Sabi. Японские секреты истинного счастья в неидеальном мире. М.: Эксмо, 2019. 304 с.
- Комаров С.В. Стратегии борьбы со временем: событийность и история // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 1. С. 107–120.
- Леонтьева Н.С. Система военно-физической подготовки славянских дружинников, европейских рыцарей и японских самураев // Теория и практика физической культуры. 2012. № 4. С. 97–99.

Марк Аврелий Антонин. Размышления / пер. А.К. Гаврилова. Л.: Наука, 1985. 245 с.

Мусаси Миямото. Книга пяти колец. Руководство по стратегии для практикующих боевые искусства // Бусидо. Военный канон самурая с комментариями / пер. с япон. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. М.: АСТ, 2018. С. 235–318.

Николаева И.Ю., Серкова О.А. Подчинение авторитету и социальной норме в средневековых военных сословиях Японии и Германии // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 227–240.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 411 с.

Петев Н.И. Самоубийство в некоторых религиозных системах как потенциально положительный и индифферентный феномен // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 119–131. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.4.119>

Платон. Алкивиад I / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Loseva и др. М.: Мысль, 1990. Т. 1 / С. 220–267.

Платон. Государство / пер. А.Н. Егунова // Платон. Соч.: в 4 т. Т. 3, ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmusa. СПб.: Изд-во С.-Петербурга; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 97–493.

Сенека Луций Анней. Философские трактаты / пер., вступ. ст. и коммент. Т.Ю. Бородай. Изд. 2-е. СПб.: Алетейя, 2001. 400 с.

Тиллих П. Мужество быть. М.: Модерн, 2011. 240 с.

Цунэтомо Ямамото. Хагакурэ // Бусидо. Военный канон самурая с комментариями / пер. с япон. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. М.: АСТ, 2018. С. 69–233.

Шумской А.В. Хосе Ортега-и-Гассет: философия исторического бытия человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 194–203. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-194-203>

Получена: 11.05.2021. Принята к публикации: 15.11.2021

References

Akhutin, A.V. (2005). *Povorotnye vremena*. [Turning times]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 743 p.

Bakeeva, E.V. (2009). *Prinyat' paradoks, ili Usilie smireniya* [To accept the paradox, or the effort of humility]. Yekaterinburg: Ural University Publ., 84 p.

Bakeeva, E.V. (2020). [The problem of the present in the context of «post-metaphysics»]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 5(439), pp. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10501>

Bibikhin, V.V. (2009). *Chtenie filosofii* [Reading of philosophy]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 536 p.

Bibikhin, V.V. (2012). *Sobstvennost'*. *Filosofiya svoego* [Property. Philosophy of the Own]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 536 p.

Bibler, V.S. (1991). *Ot naukoucheniya — k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From science — to the logic of culture: Two philosophical introductions to the twenty-first century]. Moscow: Politizdat Publ., 413 p.

Biricheva, E.V. (2019). [The Nature of Conflict: Ontological Paradox and Existential Effort of Acceptance]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. Vol. 35, no. 4, pp. 607–625. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.407>

Daidoji, Yuzan (2018). [Budoseoshinshu]. *Busido. Voenny kanon samuraya s kommentariyami* [The warrior's primer of Daidoji Yuzan]. Moscow: AST Publ., pp. 5–68.

Davydov, A.I. (2014). [Drengskarp and bushido: «The way of the warrior» in the West and East]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobscheniya* [The Siberian Transport University Bulletin]. Iss. 31, pp. 11–14.

Deleuze, G. (1997) *Skladka. Leybnits i barokko* [The fold. Leibniz and the baroque]. Moscow: Logos Publ., 264 p.

Gadamer, H.-G. (1991). [History of concepts as philosophy]. *Aktual'nost' prekrasnogo* [Relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 26–43.

Kempton, B. (2019). *Wabi Sabi. Yaponskie sekrety istinnogo schast'ya v neideal'nom mire* [Wabi Sabi. Japanese wisdom for perfectly imperfect life]. Moscow: Eksmo Publ., 304 p.

Komarov, S.V. (2015). [The strategies of fight with time: Eventness and history]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Christian Academy for the Humanities]. Vol. 16, iss. 1, pp. 107–120.

Leont'eva, N.S. (2012). [The system of military-physical training of Slavic warriors, European knights and Japanese samurai]. *Teoriya i praktika*

fizicheskoy kul'tury [Theory and Practice of Physical Culture]. No. 4, pp. 97–99.

Mark Arvelius (1985). *Razmyshleniya* [Reflections]. Leningrad: Nauka Publ., 245 p.

Musashi, Miyamoto (2018). [The book of five rings. A strategy guide for practicing martial arts]. *Busido. Voennyi kanon samuraya s kommentariyami* [The warrior's primer of Daidoji Yuzan]. Moscow: AST Publ., pp. 235–318.

Nikolaeva, I.Yu. and Serkova, O.A. (2012). [Submission to authority and social norm in the medieval military estates of Japan and Germany]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with the Time]. No. 38, pp. 227–240.

Ortega y Gasset, J. (1991). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Nauka Publ., 411 p.

Plato (1990). [Alcibiades I]. *Plato. Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Collected works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 220–267.

Plato (2007). [Republic]. *Plato. Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Collected works: in 4 vols]. Saint Petersburg: SPBU Publ.; Publ. house of Oleg Abyshko, vol. 3, pt. 1, pp. 97–493.

Petev, N.I. (2019). [Suicide in some religious systems as a potentially positive and indifferent phenomenon]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) feder-*

al'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences]. No. 4, pp. 119–131. DOI:

<https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.4.119>

Seneca, Lucius Anneus (2001). *Filosofskie traktaty* [Philosophical Treatises]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 400 p.

Shumskoy, A.V. (2019). [Jose Ortega-y-Gasset: Philosophy of historical being of man]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 194–203. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-194-203>

Tillich, P. (2011). *Muzhestvo byt'* [Courage to be]. Moscow: Modern Publ., 240 p.

Tsunetomo, Yamamoto (2018). [Hagakure]. *Busido. Voennyi kanon samuraya s kommentariyami* [The warrior's primer of Daidoji Yuzan]. Moscow: AST Publ., pp. 69–233.

Wittgenstein L. (1921). *Logiko-filosofskiy traktat* [Logical-philosophical treatise]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000272/st002.shtml> (accessed 08.04.2021).

Received: 11.05.2021. Accepted: 15.11.2021

Об авторе

Биричева Екатерина Вячеславовна

кандидат философских наук, научный сотрудник Сектора истории и философии науки

Институт философии и права УрО РАН,
620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16;
e-mail: e.v.biricheva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1933-9955>
ResearcherID: F-2980-2016

About the author

Ekaterina V. Biricheva

Candidate of Philosophy, Researcher of the Sector of History and Philosophy of Science

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
16, S. Kowalevskaya st., Ekaterinburg, 620108, Russia;
e-mail: e.v.biricheva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1933-9955>
ResearcherID: F-2980-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Биричева Е.В. Римские стоики и японские самураи об экзистенциалах человеческого бытия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 550–560.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-550-560

For citation:

Biricheva E.V. [Roman stoics and Japanese samurai on the existentials of human being]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 550–560 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-550-560